

Он уже завершил свою черноту и претерпел трансформацию.

Подавленно дожидаясь клубень таро, Чэн Янь вытерла рот, сунула за пазуху несколько медных монет и вышла из дома.

Соседняя большая деревня Дачжай была совсем недалеко: если идти быстрым шагом, можно добраться от силы за две четверти часа.

В нынешнем теле она уже считалась взрослой девушкой: хоть и худая, как бамбуковый шест, но чертами лица вполне ладная. На ладно скроенном личике красовались живые круглые глаза с чуть опущенными внешними уголками — типичные собачьи глаза.

На переносице виднелось несколько милых веснушек, а когда она улыбалась, её глаза превращались в полумесяцы, излучая невинность и сладость. Особенно когда она на кого-то смотрела, в её глазах таился лучистый блеск, полный живости и вызывающий умиление.

По идее, если в деревне растёт такая девушка, которой скоро исполнится пятнадцать лет, всегда найдутся те, кто положит на неё глаз.

Однако Чэн Янь ничуть не боялась, потому что её отчим, Мясник Лю, слыл в деревне известным буяном и негодяем, к которому никто не смел приближаться.

Незримо это воздвигло вокруг неё защитную стену, но имело и свои минусы: в конце концов, Мать Чэн умерла, сама она уже выросла, а жить под одной крышей с таким пропойцем и законченным игроком, как Мясник Лю, — это неизбежно рождало кривотолки и сплетни.

И точно: по дороге ей встретилась одна из деревенских женщин и между делом спросила, куда это она направляется.

Чэн Янь солгала, что Мясник Лю неудачно упал с пьяных глаз, и она идёт к Старика Ма за лекарством от ушибов.

Когда она отошла далеко, та женщина начала о чём-то шептаться с другой бабой, и первая тихо произнесла: — Жалко такую девчонку. Мать умерла, живёт с отчимом — того и гляди, беда случится.

Баба тоже покачала головой: — И не говори, грех один. Этот Мясник Лю — сущий разбойник и пьянчуга, кто же посмеет заявиться к нему в дом сватать жену?

Женщина предположила: — Наверное, держит при себе, чтобы потом самому забрать.

Обе пошептались о делах семьи Лю, и в их словах слышалось искреннее сожаление.

А вот Чэн Янь повезло: едва она добралась до дома Старика Ма, как застала его собирающимся на выход, и тут же подробно рассказала о том, что Мясник Лю упал и ушибся после пьянки.

Старик Ма поверил ей на слово. Будучи деревенским лекарем-самоучкой, он всегда лечил односельчан при любых мелких недугах.

Выслушав описание Чэн Янь, он вынес ей из дома несколько свёртков сухих трав, горсть пилуль для разгона крови и снятия застоев, а также выдал мазь от ран, терпеливо объяснив, как отвар готовить и когда принимать.

Чэн Янь всё запомнила.

Старик Ма был добрым человеком: незадолго до этого он лечил тяжело больную Мать Чэн, знал, как трудно приходится этой девушке, и взял с неё совсем немного за приём.

Унеся лекарства домой и видя, что до вечера ещё далеко, Чэн Янь решила сразу же заняться отваром. Она не смела варить лекарство в доме, боясь, что Мясник Лю вернётся и начнёт придирается, поэтому перетащила глиняный горшок в близлежащий деревянный сарай.

Пока Мясник Лю не вернулся, она второпях отнесла готовое лекарство в погребальный зал.

Сяо Янь лежал в гробу не живой не мёртвый. Его пульс оставался слабым, но температура значительно поднялась — уже не было утреннего пронзительного холода.

Чэн Янь с усилием оттолкнула крышку гроба и потыкала его пальцем. Кажется, он отреагировал на свет: его веки чуть дрогнули, показывая первые признаки пробуждения.

Она нашла камень и подложила ему под затылок, после чего понемногу влила в него лекарственный отвар.

Пока Сяо Янь всё ещё находился в бессознательном, миску с отваром наполовину расплескали, наполовину проглотили.

Пилули, выданные Стариком Ма, Чэн Янь не осмеливалась совать ему в рот просто так, боясь, что они попадут в дыхательное горло и он задохнётся. Убрав из-под головы камень, она снова набралась терпения и смазала его рану от стрелы ранозаживляющей мазью.

От мази исходил очень резкий запах, и она поморщилась, с трудом перенося его.

Закончив с лекарством, Чэн Янь снова наполнила принесённую с собой грелку горячей водой и опять подложила Сяо Яню под ступни для согрева.

Возможно, из-за дневного солнечного света его температура постепенно возвращалась к норме, и прежде одутловатое лицо тоже спало.

Чэн Янь с любопытством склонилась над краем гроба и принялась его рассматривать.

Его кожа была неестественно бледной, лишенной всяких следов крови, но черты лица правильными: широкие брови, уходящие к вискам, прямой нос, длинные ресницы, красивый изгиб губ.

Даже во сне в нём угадывался классический благородный и утончённый облик — сразу видно избалованного молодого господина из богатой семьи.

В настоящее время она почти ничего не знала об этом злодее Сяо Яне, поэтому ради успешного выполнения задания мысленно позвала Систему 009, пытаясь вывести хоть какие-то подробности сюжета.

Система 009 отозвалась лишь спустя долгое время.

Чэн Янь с любопытством спросила: — 009, как этот человек вообще угодил в реку?

Система 009 ответила: — Сам спрыгнул.

Чэн Янь: — ???

Система 009: — Полагаю, завтра он очнется.

Услышав, что он придёт в себя, Чэн Янь несказанно обрадовалась — всё-таки её труды не пропали даром, и она радостно спросила: — Значит, когда он очнется, то сможет выжить?

Система 009 на мгновение замолчала: — Это... зависит от его настроения.

Чэн Янь: — ???

Что ещё за зависит от настроения?!

Система 009 поспешила пояснить: — На данный момент Сяо Янь пережил тяжелейший удар в своей жизни, у него развилось посттравматическое стрессовое расстройство: эмоциональная паника, гнев, скорбь, отчаяние... и всё в таком духе.

Услышав это, Чэн Янь невольно скривилась в выражении полного неприятия и потребовала: — Получается, после всех моих стараний мне ещё и психотерапевтом работать придётся?

Система 009 немного помолчала: — Да, ментальная терапия. Чэн Янь:

Система 009 говорила с глубоким чувством: Хозяйка, сейчас ты играешь роль белого лунного света, и эта роль непременно должна быть самоотверженной, чтобы оказать огромное влияние на Сяо Яня.

Услышав про самоотверженность, Чэн Янь полностью утратила всякое желание любоваться красавчиком, с усилием захлопнула крышку гроба, не оставив ни малейшей щели.

Похороните его.

.....

Этот негодяй оказался поистине бессердечным, наглухо запечатал живого человека в гробу и ушел, даже не оглянувшись.

Заметив, что она разозлилась, Система 009 встревожилась и поспешно заговорила: Госпожа Чэн, бабушка Чэн! Твое баснословное богатство, легкая и беззаботная жизнь...

Чэн Янь раздраженно бросила: Хватит мне тут зубы заговаривать, меня с детства родители баловали и лелеяли, я даже за собственной матерью не ухаживала. А теперь я приперлась в эту глушь, чтобы прислуживать какому-то непонятному мужику, спасти его тело и лечить его душу? Неужели потом мне еще придется во имя любви пожертвовать собой и лечь с ним в постель?

Система 009: Чэн Янь чем больше размышляла, тем сильнее ощущала досаду: Ну скажи, что за дрянной сценарий достался оригинальной героине? Маленькая девочка, которая вечно голодает, ходит в лохмотьях и к тому же постоянно терпит побои от отчима — она сама себя защитить не может, а туда же, спасти кого-то собралась! Да ещё и мужчину с неясным прошлым. Чтобы выходить его, она потратила все сбережения, что Мать Чэн с таким трудом откладывала, во всем себе отказывая. Ради чего это всё?

Система 009 молчала.

Чэн Янь продолжила: Будь я её матерью, точно бы от ярости из могилы восстала, чтобы вlepить ей пару оплеух. Хотя немного мозгами раскинь, научись сначала о себе заботиться, нет?

Система 009 всё так же молчала.

Чэн Янь, чем дольше думала об этом несуразном сюжете, тем больше раздражалась: Такая бестолковая, неудивительно, что она всего лишь проходной персонаж для фона. У оригинала отчим — мерзавец, который только и ждет момента, чтобы навредить, родная мать давно покойна, — надо было сразу думать, как выбраться из этого болота, а не людей спасать!

Система была ошеломлена таким логичным и обоснованным отпором. Впервые ей попался такой носитель: на вид покладистая и миловидная, а в голове — кремень, так просто не обманешь.

Однако 009 была закаленным в боях специалистом. В Главной системе тысячи служителей, но право носить имя под номером девять дается далеко не каждому.

Система 009 вновь пустила в ход свои отточенные профессиональные навыки и решила сыграть на чувствах: Носитель, на самом деле нынешний Сяо Янь находится в той же ситуации, что и ты в реальном мире.

Эти слова предсказуемо привлекли внимание Чэн Янь. Она нахмурилась и спросила: Что ты имеешь в виду? Система 009: Ты попала в аварию в реальном мире и оказалась на волосок от смерти, а теперь Сяо Янь тоже угодил в беду и находится при смерти. Твои родители приложили массу усилий, чтобы спасти тебя. Давай поменяемся местами: разве спасение Сяо Яня не равноценно спасению самой себя?

Чэн Янь молчала.

Система 009 не сдавалась и решила приоткрыть ей некоторые детали сюжета: Некоторое время назад родная мать Сяо Яня была отравлена. Получив вестъ, он отправился из Цзяньсина в столицу на похороны, но по пути попал в засаду. Его дядя Шэнь Наньхуэй и все люди из его свиты были убиты, в живых остался лишь он один. Теперь, когда он оказался в твоих руках, его жизнь зависит только от того, дашь ли ты ему шанс выжить.

Эти слова заставили Чэн Янь нахмуриться. Поколебавшись, она спросила: Так что же он такого натворил, что оказался в подобном положении?

Система 009: Это уже спойлеры, пока распространяться не буду.

Чэн Янь больше не стала расспрашивать.

Система 009 продолжила убеждать: Спасая Сяо Яня, ты спасаешь себя. Объем сюжетных заданий, которые ты получила, невелик — стоит тебе вернуться с ним в столицу, как большая часть миссии будет выполнена.

Выслушав это, Чэн Янь застыла на месте, не зная, как поступить.

Система 009 изо всех сил старалась её переубедить: если она откажется от выполнения задания, это будет означать смерть в реальном мире, да и показатели системы пострадают. Они партнеры, а не враги, поэтому стремление к сотрудничеству ради общей выгоды — лучший выбор.

В конце концов, после долгих душевных терзаний, здравый смысл взял верх. Чэн Янь решила повернуть назад, снова отодвинула наглухо закрытую крышку гроба и оставила щель, чтобы внутрь поступал воздух.

Ей всё равно было не по себе. Она смотрела на мужчину в гробу свысока и, грозя ему пальцем, по-детски сердито пригрозила: Сяо Янь, если ты в будущем посмеешь меня тронуть, клянусь, завтра же возьму ножницы и лишу тебя мужского достоинства!

Система 009: ...

Сяо Янь: ...

Вернувшись домой и увидев, что Мясник Лю ещё не вернулся, Чэн Янь немного прибралась в комнате.

Только когда стемнело, мясник вернулся, шатаясь от пьянства. Чэн Янь с отвращением отстранилась.

Мясник Лю бросил инструменты для забоя свиней в сторону. Смесь запаха алкоголя и тяжелого смрада свиной туши была невыносимой. Он ткнул в неё пальцем и принялся ругаться: Ты, дармоедка, я столько времени кормлю тебя впустую, толку от тебя никакого! Должно быть, я в прошлой жизни задолжал тебе и твоей мамаше!

Чэн Янь нахмурилась.

Этот тип был здоровенным детиной, к тому же мужчиной. С её нынешним хрупким телом ей было не одолеть его в драке, поэтому она не смела ни отвечать, ни идти с ним на открытый конфликт. Мясник Лю увидел, что она молчит, и совсем разошелся, изрыгая такую грязную и мерзкую брань, что слушать было тошно.

Чэн Янь проявила благоразумие и предпочла просто не обращать на него внимания, а затем сама ушла в соседнюю комнату и заперла дверь на засов.

Пьяный бугай, разгоряченный хмелем, принялся барабанить в дверь так, что та заходилась ходуном, а она сидела в комнате, охваченная тревожной дрожью.

Вскоре затишье воцарилось снаружи: Мясник Лю, видимо, выбился из сил, вернулся в свою комнату и, едва добравшись до постели, сразу же захрапел.

Глядя на непроглядную ночную тьму за окном, Чэн Янь внезапно спросила Систему 009: — Если я раздобуду мышьяк и отравлю этого персонажа, Мясника Лю, какие последствия меня ждут?

Система 009 ответила лишь спустя долгое время: — Придут люди из уездной управы и схватят тебя, и ты не успеешь доесть и двух порций тюремной баланды, как тебе снесут голову.

Чэн Янь сдержала досаду и возмущенно произнесла: — Родная хозяйка этого тела уже была забита Мясником Лю до смерти, на нем и так висит человеческий долг жизни.

Система 009: — Хозяйка системы, персонаж по имени Чэн Янь никогда никого не убивала. У каждого в этой истории своя предопределенная судьба, и убить Мясника Лю ты не сможешь.

Услышав это, Чэн Янь невольно погрузилась в молчание.

Хотя тело ее было хрупким, разум оставался ясным.

Желая убедиться, что Система 009 не врет ей, она дождалась, пока Мясник Лю крепко заспится, украдкой зажгла масляную лампу, подобрала под кроватью деревянную палку и, набравшись смежности, крадучись пробралась в его комнату.

Лежавший на кровати мужчина храпел, словно подохшая свинья, и от одной мысли о его скверных словах Чэн Янь испытала глубочайшее отвращение.

Она стояла у края кровати со стиснутой в руке палкой, и ее пальцы слегка подрагивали.

Ей еще никогда не приходилось причинять вред людям, но терпеть издевательства Мясника Лю ей отчаянно не хотелось.

Система 009 утверждала, что она не сможет навредить Мяснику Лю. Чэн Янь верила этому лишь наполовину, и в конце концов, после долгих колебаний, стиснув зубы и пересилив себя, она изо всех сил опустила палку на тело Мясника Лю.

Однако в тот же миг Чэн Янь почувствовала вокруг нечто странное.

Воздух словно застыл, и она потеряла способность двигаться.

Какая-то неведомая чудесная сила окутала ее, и ее тело помимо воли начало пятиться назад — точь-в-точь как отмотанная назад пленка. словно марионетка на ниточках, она вернулась в собственную комнату и опустилась на кровать.

Будто ничего и не было.

Чэн Янь моргнула, и в ее сознании всплыло предупреждение, запрещающее ей произвольно менять заданные образы.

В этот же момент подала голос Система 009: — Хозяйка системы, персонаж по имени Чэн Янь не способна совершать подобные бунтарские поступки. Твои действия противоречат характеру

героини, и система автоматически внесет исправления.

Чэн Янь: — ...

Ладно, у каждого своя судьба.

Но она все еще не успокоилась и с опаской осведомилась: — И каков же будет конец Мясника Лю?

Система 009: — Без спойлеров.

Чэн Янь уныло фыркнула. Система 009 стерла из ее памяти воспоминания о недавней попытке избить Мясника Лю, и она, ничего не подозревая, рухнула на постель и мгновенно заснула.

В конце концов, из-за Сяо Яня она провозилась весь день и смертельно устала.

Ночью завывал сильный ветер, поднимая громкий шуршащий гул.

К счастью, днем Чэн Янь уложила Сяо Яня в гробу, что отлично защищало от ветра, да к тому же дно гроба было выстелено толстым слоем сухой соломы. И хотя грелка в ногах уже остыла, замерзнуть он не должен был.

Зимние ночи длинные, и ближе к рассвету Сяо Янь постепенно пришел в сознание.

— А-Янь, беги! Скорее беги!

— А-Янь, уходи же!

Этот человек стоял перед ним, протягивая руку, чтобы коснуться его лица в последний раз перед прощанием.

Но в тот же миг горячая свежая кровь брызнула ему на лицо, и он воочию увидел, как казнят его родного дядю.

— Дядя! Дядя...

— А-Янь, беги! Беги же!

— Дядя!

Раздирающая сердце и душу ненависть хлынула в грудь и, захлестнув лавиноподобным гневом, затопила его разум.

Сяо Янь резко распахнул глаза и в упор уставился во тьму ночи, а в ушах шумел бесконечный, одинокий ветер.

— Дя... дя...

Его кадык дернулся, и из пересохшего горла с трудом вырвалось это слово, пропитанное жгучей, вьющейся в кости ненавистью.

Прошло немало времени, прежде чем рассудок Сяо Яня окончательно к нему вернулся.

Тяжелые воспоминания хлынули в голову — в тумане сознания стоял такой гул, будто оно

готово было разорваться от боли, но по сравнению с раной от стрелы на плече это казалось сущим пустяком.

Не выдержав, он судорожно втянул воздух ртом, желая коснуться раны, но у него совершенно не было сил.

Пролежав с закрытыми глазами в гробу довольно долго, Сяо Янь мало-помалу совладал со своими эмоциями.

Он снова принялся исследовать обстановку: рана находилась справа, и он пошарил левой рукой, лишь спустя долгое время сообразив, что лежит в гробу.

В его сердце невольно закралось недоумение: неужели он умер, и это его похороны?

Сдерживая сомнения, он затаил дыхание и прислушался к окружающим звукам, но, кроме воя ветра, не услышал ничего.

Ни огоньков свечей, ни человеческих голосов, ни запаха благовоний и жертвенной бумаги — вокруг стояла такая дикая, безлюдная глушь, будто остались лишь небо и земля.

Эта ситуация ставила его в полнейший тупик.

Сейчас его силы были на исходе, голова раскалывалась, а рана от стрелы пульсировала от боли, так что резкие движения были противопоказаны — оставалось только лежать и спокойно наблюдать за развитием событий.

Лишь когда забрезжил бледный рассвет, Сяо Янь смог вновь оглядеть свое убежище и убедиться, что он действительно лежит в старом гробу. Он опустил взгляд на свою одежду: грубые серо-коричневые конопляные одежды совершенно ему не подходили и были чересчур коротки.

Взгляд упал на правое плечо: рана была перемазана остатками лекарства и наскоро перевязана, очевидно, кто-то оказал ему помощь.

Он попытался согнуть колени, но все тело онемело и заоченело, отзываясь острой болью при малейшем движении, так что он больше не смел шевелиться.

Когда рассвело окончательно, Чэн Янь в деревне уже поднялась, чтобы приготовить завтрак. Она сварила на пару несколько клубней таро и, набравшись храбрости, зачерпнула из кадки горсть бурого риса, чтобы сварить пожиже кашу.

Вчера Мяник Лю напился до бесчувствия и сейчас валялся мертвецким сном; судя по его привычкам, встать раньше времени он не сможет.

Система 009 говорила, что Сяо Янь придет в себя сегодня, поэтому Чэн Янь разыскала деревянный таз, бросила туда грязную одежду, а заодно тайком спрятала два клубня таро и небольшой горшочек с рисовой кашей, делая вид, будто отправляется стирать белье на речку.

По пути она припрятала таз в зарослях высокой травы и, прихватив еду, в спешке побежала к погребальной хижине.

Сегодня солнца не было, и погода стояла пасмурная и мрачная.

Привычным шагом Чэн Янь вошла в заброшенное здание и оставила таро с кашей.

Гроб, в котором лежал Сяо Янь, стоял на прежнем месте, и она подумала, что он все еще внутри, но, подойдя ближе и заглянув внутрь, обнаружила, что тот пуст.

Чэн Янь остолбенела.

Пока она пребывала в растерянности, Сяо Янь бесшумно вырос за ее спиной — с растрепанными волосами, босой, с бледно-мертвенным лицом и ледяным взглядом, он походил на демона, выбравшегося из преисподней, от одного вида которого кровь стыла в жилах.

Почувствовав неладное, Чэн Янь попыталась повернуться, но холодная рука уже легла на ее шею и сзади без труда стиснула горло.

Внезапное нападение смертельно испугало ее, из горла вырвался испуганный сдавленный стоп, она неуклюже попыталась разжать чужие пальцы, но противник не шелохнулся ни на дюйм.

Сила этой руки была невероятной!

Сама же Чэн Янь была миниатюрной, ростом едва доставая Сяо Яню до груди, и при таком мертвой хватке на шее у нее не было ни шанса вырваться. В отчаянии она нанесла удар в его нижнюю часть тела.

Сяо Янь никак не ожидал от кроткого кролика подобной прыти и поспешно увернулся.

Чэн Янь воспользовалась моментом, чтобы освободиться.

Проворно отскочив к противоположному краю гроба, она наконец смогла разглядеть лицо охваченного яростью мужчины.

Сяо Янь зловеще взирал на нее: бледная кожа, странная одежда, хищный разрез злых фениксовых глаз, пылающих жадной жестокой расправы, и ледяная аура вокруг создавали поистине жуткое зрелище.

Этот взгляд приковал Чэн Янь к месту, заставив ее сердце замереть от страха.

Ведь, как правило, все злодеи в историях отличались крайней кровожадностью и безжалостностью; нынешний же хоть и был писанным красавцем, но выглядел так, будто вернулся с того света, да к тому же перенес тяжелые увечья, из-за чего его психика наверняка была надломлена.

При этой мысли Чэн Янь разом расхотелось быть чьим-то чистым лунным светом — ей хотелось лишь бежать отсюда среди ночи куда глаза глядят.

Сяо Янь свысока окинул ее взглядом: девчонка совсем молодая, лет тринадцати-четырнадцати, одета в не по росту большие пестрые конопляные обноски, помятые и усеянные заплатами.

На ее крошечном личике алел румянец испуга, в наивных глазах таился первобытный страх, а сама она казалась хрупкой и беззащитной, словно трепещущий кролик.

В этот момент кролик, похоже, был до смерти перепуган и дрожащим, срывающимся на плач голосом робко спросил: — Ты... очнулся?

Сяо Янь не ответил. Убедившись, что эта девчонка не представляет для него никакой угрозы и не способна оказать сопротивление, он холодно осведомился: — Что это за место?

Его голос звучал глухо, с хриплыми, надтреснутыми нотками.

Воинский инстинкт самосохранения Чэн Янь сработал на славу, и она торопливо затараторила: — Это деревня Синхуа у реки Чанцюань. Вчера я стирала белье у реки и заметила, что господин плывет по течению, вот и вытащила тебя и спрятала здесь.

Сяо Янь молча смотрел на нее, словно переваривая полученную информацию.

Чэн Янь с трудом выдерживала этот пронзительный взгляд.

Его аура и без того была леденящей, а под таким пристальным вниманием она ощущала колоссальное давление.

— 009!

Чэн Янь не удержалась и мысленно позвала систему.

Система 009: — ???

Чэн Янь в тревоге произнесла: — Почему мне кажется, что этот парень какой-то ненормальный?

Система 009 помолчала немного и выдала: — Хозяйка системы, Сяо Янь уже завершил свое темное перерождение.

Чэн Янь: — ???

Система 009 нахально принялась ее подбадривать: — Хозяйка системы, я верю в тебя! Окрути его, стань его заветным лунным светом, пусть он ради тебя живет, ради тебя умирает и стены головой пробивает!

Чэн Янь: — ...

Ей почти хотелось заплакать.

Но почему в объект для обольщения ей достался именно психопат!

Автор пишет:

Чэн Янь: Как же мне тяжело, правда... Мое баснословное состояние...

Сяо Янь: Я же не ем людей.

Система 009: Да, людей он не ест, мать твою, он пожирает системы!!

Сяо Янь: ...

<http://bllate.org/book/24439/2863294>